

9 * ДЕК 1979

РАМША

Имя лауреата Государственной премии РСФСР, народного артиста СССР Игоря Леонидовича Горбачева хорошо известно нашим читателям. Он создал интереснейшие образы на сцене, сыграл во множестве фильмов.

В настоящее время Игорь Леонидович является главным режиссером Ленинградского государственного академического театра имени А. С. Пушкина. Поставленный им спектакль «Пока бьется сердце» Д. Храбровицкого был выдвинут на соискание Государственной премии. Публикуем интервью с И. Л. Горбачевым.

**ВСТРЕЧИ
ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ**

ЗЕМЛЯ

НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ ДОН КИХОТА

— Игорь Леонидович, вероятно, создание образа современника — одна из сложных в искусстве. Перед каким нравственным выбором стоит сегодняшний герой и существуют ли, новому, традиции в освоении этой темы?

— Да, я согласен с вами, что каждый художник мечтает воплотить образ своего современника. Но сложность здесь в том, что сегодняшняя тема — это всегда езда в незнакомое. «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии». Придет время, и о нашем времени напишут более обобщенно, исторично и художественно. Для меня, как актера и режиссера, всегда был интересен герой активный, высоко-нравственный, у которого слово не расходится с делом, герой, одержимый страстной идеей служения своему Отечеству. Таков Иван Вихров из «Русского леса» Леонова, лейтенант Княжко из «Берега», таков Крылов из пьесы Д. Храбровицкого «Пока бьется сердце». В активных, целеустремленных героях я вижу преемственность в освоении этой темы, потому что вся наша литература, и классическая, и советская, всегда отличалась нравственно-социальным пафосом. И, откровенно говоря, мне не совсем понятна позиция некоторых драматургов, которые игнорируют эту священную для нас традицию, пытаются выдвинуть на авансцену героев слабовольных, а порою даже просто отщепенцев, стремясь смягчить все обстоятельствами, но самое горькое, что правду искусства подменяют правдой факта.

Поймите меня правильно, я не за сглаживание острых углов, недостатков, но я за то, чтобы художник знал, во имя чего ведется критика. Когда идет нравственный бой против бездуховности, пошлости, меркантилизма, карьеризма, приспособленчества, делячества во имя нашего социалистического идеала, — это одно; но когда мне показывают пьесу, где молодой герой протестует против нездорового климата в семье тем, что специально попадает в милицию и его освобождает продавщица, у которой все милиционеры свои, — не значит ли это жить с кукишем в кармане.

Мне не совсем понятно и такое положение вещей, когда канон в драматургии определенной части критики объявляет Вампилова, Это действенно был одаренный драматург. Но талант его только формировался, он был в постоянном поиске. Может, в итоге он пришел бы не только к Зилову. Сведения же искусства к каким-то рамкам всегда его обедняет. Жизнь шире любой схемы. Мир движется, а мы за ним идем. Но мир всегда был жив любовью, трудом, человечностью, гуманизмом.

— Игорь Леонидович, сейчас не случайно так велик интерес к классике, несущей, как правило, те нравственные ценности, которые вы только что назвали. Но уже издавна ведется спор — как уже издавна ведется спор — ней самый незамутненный источник нравственности, гуманизма, образец поэтического осмысления действительности, или более важна оригинальная трактовка, позволяющая режиссеру выразить свое отношение к автору, соизмерить свою личность с пьесой? Вас, так инте-

ресно играющего чеховского Иванова, данный вопрос касается непосредственно. Что бы вы могли сказать на этот счет?

— Я понимаю, о чем вы говорите — о ложном осовременивании классики и о режиссерском своеволии. Но это еще полбеда.

А беда в том, что порой происходит размывание художественных традиций. Что это значит?

Каждый народ живет своей самобытной жизнью, имеет свои взгляды, традиции, своих национальных героев. Есть святые истины, которые не подлежат пересмотру и переосмыслению. И одной из таких истин для меня является непреходящее всемирно-историческое значение нашей революции и все приметы, связанные с ней.

Но посмотрите, какая ведется атака на чеховского интеллигента. Как его унижают, окарикатуривают. Во имя чего, ради чего появилась на сцене целая серия Ивановых, гаденьких, оборванных? Что сделали из другого светлого чеховского персонажа — Пети Трофимова. Ведь его играют чуть ли не сутенером и несносным болтуном. Чехову в «Вишневом саде» не нужно двух болтунов. Один уже есть — это Гаев. Если Петя и смешон, то как Дон Кихот. А Дон Кихоты, ох, как нам нужны.

Мой Иванов — это человек высокой нравственной чистоты, человек, который постоянно казнит себя за то, что он так духовно опустился, живет пошло, измучил жену. Выстрел Иванова подготовлен его изболелшей совестью.

— Сыгранный вами Хлестаков в свое время стал явлением...

— И не только потому, что я шел от Гоголя, но и еще оттого, что сыграл я его тогда, когда мне было 23 года, т. е. столько, сколько самому Хлестакову. Я играл его самозабвенно, хорошо понимая этот возраст, и оттого, что с семи лет стал заниматься театром почти профессионально, то к 23-м годам умел распоряжаться тончайшими нюансами души. Я это говорю к тому, что нужна, на мой взгляд, реформа театрального образования. Актеры сегодня словно разучились на сцене гневаться, плакать, любить, смеяться. Раньше могли держать паузу по семь минут, и зал сидел, не шелохнувшись. Потому что играли на полной самоотдаче, на творческом вдохновении. Меня сейчас лично не устраивает ни бормотальный реализм, ни модная нынче манера самовыражения на сцене (бывает, что и выражать-то нечего), а главное — это неумение подниматься от психологии до философии образа, от частного к общему.

— И последний вопрос. Над чем ваш театр будет работать в ближайшем будущем?

— Мы приняли к постановке пьесу И. Дворецкого «Веранда в лесу». Виктор Астафьев сделал инсценировку из своей повести «Звездопад». Писатель приспособил ее для театра, нашел интересный драматургический ход, который позволяет театрально оформить прозаический материал. Мы держим постоянную связь с В. Беловым. У нас идет его пьеса «Над светлой водой». Так что, если у него появится что-нибудь новое, будем иметь в виду.

— Спасибо за беседу.

С. ЕРОШИНА.

Ленинград—Горький.